

В прошлом году в городе Борисоглебске Воронежской области проходил IX фестиваль русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Традиционно смысловым центром этого форума стал «круглый стол», проведенный Советом по критике Союза писателей России при поддержке оргкомитета фестиваля и писателей из разных регионов страны. В этом году обсуждались взаимоотношения классической и современной отечественной литературы, а тема дискуссии звучала так: «Классики и современники: отношение к читателю и к действительности».

Совет по критике Союза писателей России знакомит читателей с докладами, прозвучавшими на этом обсуждении.

Вячеслав ЛЮТЫЙ,
*председатель Совета по критике,
секретарь Союза писателей России,
заместитель главного редактора
журнала «Подъем» (г. Воронеж)*

УВЕЛИЧИТЕЛЬНОЕ СТЕКЛО

Современная литература соотносится с действительностью как-то разноречиво, непоследовательно и не очень внимательно.

Либеральная часть нынешней российской прозы погружена в пристальное рассматривание частной жизни благополучного в социальном отношении гражданина. Причем, как правило, не ментального гражданина России, но «гражданина мира», в силу личных обстоятельств обретающегося на территории нашей страны. Уже это усеменение панорамы объективной реальности свидетельствует о том, что здешнее прошлое, в том числе и родовое, для подобных людей не актуально. Хотя бы потому, что касается не их самих, а по времени уже дальних родственников, у которых, возможно, что-то и случилось в жизни не так — печально или трагично, но это остается за границами повествования.

Еще один пласт произведений — проза, касающаяся исторических страниц нашего государства, где практически отсутствует объективный, взвешенный взгляд на минувшее и автором преследуется та или иная социально-политическая цель. Что и говорить, к литературе в истинном значении этого понятия подобные сочинения не имеют никакого отношения. Перед нами — целевые тексты, которые соотносятся в большей степени с технологиями манипуляции человеческого сознанием.

Современную беллетристику, где непременно должно присутствовать описание убийства или сладкого соития, кошмарная тайна или энергичный мордобой, уже загодя можно вывести из пространства художественного произведения как такового.

Остается еще имитация психологического погружения в «богатый душевный мир» героя, предстающего перед читателем в своего рода амбивалентной ипостаси. Как двуликий Янус, вот тут персонаж, условно говоря, «хороший», а вот здесь — наверняка «плохой». При этом забывается, что для достоверности литературного портрета необходимо все-таки доминирование той или иной части облика героя, тогда как ее противоположность может проявляться лишь в строго дозируемой степени. И если на страницах книжки изображается, скажем, людоед или маньяк, но только по-своему очень-очень добрый — стоит сразу сказать себе: дураят нашего брата-читателя, морочат голову.

Разумеется, названные приметы огромного числа нынешних литературных текстов достаточно схематичны, однако даже в таком саркастическом перечислении определенно прослеживается типичность их пребывания в списке тематических предпочтений сегодняшних влиятельных издательств.

Все названное относится к прозе. С поэзией положение куда печальней. «Автоматическое» стихотворное письмо, когда развитие сюжета в целом зависит от словесных деталей предыдущей строки — при отсутствии творческой сверхзадачи — превратилось в своего рода литературную гангрену. Подобное унылое версификаторство разлагает всякое действительно художественное свидетельство о реальном мире, в широте и глубине его, и о человеке как о личности, способной превратить хаос, внутренний и внешний, в некое точное слово или поймать определяющий смысл происходящего, что подтвердит важность присутствия лирического героя в современной смутной действительности.

Свою лепту в процесс распада поэтического текста вносит также внутренняя установка пишущего на самовыражение: дескать, перед тобой, читатель — творец, чуть ли не волшебник, он складывает слова и смыслы по собственному произволению. И пусть результат этого сложения никаким боком не касается ни сердца и судьбы другого человека, ни в целом реалий бытия, но общая картина — текст, голос, артистическая повадка автора — выглядят увлекательно, особенно для молодежной аудитории.

Найдется еще не одно свидетельство неосновательности либеральной литературной практики, но важно понять одно: перед нами — не собственно литература как великий способ исследования трагических коллизий нашего мира, не склонность увидеть красоту и милосердие в долине жестокости и равнодушия, но — имитация форм и наработок русской литературной классики с включением приемов и ракурсов иноязычной поэзии и прозы.

Что же этому противопоставить?

Пространство действительно почвенной русской литературы сориентировано на глубокое читательское восприятие текста и душевное сопереживание. Здесь кажутся чужеродными произведения, где автор стремится предстать перед всяким, кто откроет его книгу, писателем «выигрышным», что будто поглядывает на себя в виртуальное зеркало: «А хорош ли я? — Ой, как хорош!..» Подобное по-

зерство отменяет потенциальную сверхзадачу художника, который пытается войти во внутренний мир своих героев и одновременно показать: жизнь состоит из противоположностей, но, преодолевая их борьбу, она утверждает себя как постоянно обновляющееся начало.

Минувшие тридцать лет российской истории вместили в себя многое. Но, пожалуй, самым главным оказалось неустранимое стремление русского человека к правде и справедливости. Оно преодолевает гнетущее обволакивание всего живого, плодотворного — паутиной лжи и воровства, несправедливости и жестокосердия. Невзирая на пропасть, разделившую бюрократическое государство и народ. Хотя отчасти народ все еще можно обозначить понятием «население», но только лицемер, слепой или эгоист не увидит, как с каждым днем военной операции на Украине множество частных людей в России мало-помалу заявляют о себе как о русском народе.

«Консервативный», «почвенный» писатель вынашивает замысел показать время, нравы, характеры, а также — печали и надежды людей, которых он видит и слышит, с кем говорит о текущем дне и современной эпохе. Это — главная творческая задача, а формы ее воплощения могут быть разными. Самое важное, чтобы авторская интонация и стилистика соответствовали значительной художественной цели, а не просто являли собой наглядный пример профессионального мастерства писателя. Известно, что Лев Толстой временами намеренно делал ту или иную фразу в своих текстах несколько «неловкой», дабы уйти от гладкого литературного письма.

Разумеется, читатель сталкивается с разными прозаиками, и книга — конкретное воплощение изначального писательского замысла — бывает удачной или провальной. Но в почвенной литературе перед нами всегда высвечивается стремление автора сказать нечто не частное — но общее, не эгоистическое — но народное, не банальное и прекраснодушное — но глубокое, то, что по-настоящему тревожит его и заботит...

Сказанное о «консервативной» прозе хорошо соотносится и с поэзией, в которой «русская сердцевина» не отменяет всей сложности душевного устройства нынешнего человека. Здесь поэтический сюжет выстраивается автором тщательно и умело, что, впрочем, иной раз приглушает драматизм коллизий. В молодой поэзии, напротив, драматические интонации — вещь чрезвычайно ценимая, вот только картина мира бывает явлена тут довольно обрывочно и хаотично.

Если сопоставить корпус либеральной литературы с художественным пространством литературы консервативной и русской в главных своих чертах, то мы увидим, что находятся эти два множества, столь непохожие друг на друга, в демонстративно не равном положении.

В течение трех десятилетий отечественная литература публично представлялась исключительно как либеральный свод разнообразных сочинений «русских авторов». Тогда как произведения традиционно русские пребывали в маргинальном статусе и считались едва ли не любительскими, непереносимо старомодными. Такие акценты поставила властная элита минувших лет.

Но вот подул новый ветер... И вчера наработанное — казалось бы, увлекательное и яркое — внезапно обнажило свою ущербную сущность и предстало как искусственное, вычурное, умственное и неживое, адресованное, по преимуществу, лишь специально воспитанным читателям, которых — какая неожиданность! — оказалось не так уж и много. Народ же ждет другой глубины и ищет иных смыслов в литературе. И теперь государство, как будто вынужденно, отдает некий минимум должного внимания почвенной словесности, однако по-прежнему продолжает поддерживать и опусы космополитические, заведомо бескорневые. Недавним примером служит книжная ярмарка на Красной площади и три книги, выпу-

пение под «шапку» АСПИ (Ассоциация писателей и издателей): два автора — либеральные фигуры (Михаил Кураев, Валерий Попов), один — последовательный русский реалист (Виктор Потанин).

Возникает и еще совершенно неожиданная мысль, которая так или иначе влияет на дальнейшее развитие отечественной литературы. Если раньше государство в своей ежедневной политике выглядело антагонистом традиционной литературы, которая была вынуждена противостоять мировоззренческому нажиму «капитанов рынка», то сегодня прежнее психологическое влияние власти во многом закамуфлировано актуальной в военное время патриотической риторикой. В этой связи в настоящий момент почвенная литература вправе отказаться от прямого отрицания идеологического наследия уходящего дня и сосредоточиться на художественном исследовании душевного космоса современника-соотечественника: отыскать там все искаленное и, сколь возможно, его поправить. И поддержать всемерно национальное начало русского характера, в каких бы «осколках» оно ни предстало перед внимательным оком художника. Русская литература сама призвана строить представления о своем Отечестве и о его людях, а не послушно иллюстрировать появляющуюся там и тут гражданскую фразеологию самого общества. Образно говоря, сегодня консервативная литература хоть и выступает в роли сироты, но не ждет широкого жеста от власть имущих, а сама обладает сокровенной и осознанной силой, позволяющей вступать в диалог с государством с позиций умного, убежденного и самостоятельного собеседника. И только в этом случае возможен плодотворный союз современной русской литературы и искусства в целом — с российской властью.

Закономерен вопрос: почему или по чьей вине ход событий осуществился именно так, а не по-другому? Ответить стоит вполне определенно: по вине российских издательств, политически и социально ангажированных, расприравнивших не панораму книг, адресованную читателю, а спектр заказных рецензий, позволявших называть плохое — хорошим, ничтожное — эпохальным, низкое — проблематичным. В результате чего массовый читатель сталкивался в книжных магазинах с сочинениями незначительными, тогда как подлинные творческие открытия, кажется, совсем не получали должного освещения в литературной критике (скажем, такова судьба романа «Заполье» Петра Краснова — наверное, лучшего произведения крупной формы о 1990-х годах). Да, диапазон выпускаемых издательствами книг постепенно расширялся, но здесь можно говорить лишь о вялотекущем процессе, а совсем не о результате, который появился бы как следствие однажды принятых умных и перспективных издательских решений.

Примечательно и выборочное профессиональное внимание университетских филологов исключительно к именам и книгам, обеспеченным издательской информационной поддержкой. Вместо того чтобы заниматься углубленным поиском произведений редких по художественным достоинствам, пусть и малотиражных, вузовские исследователи современной литературы послушно принимают на веру славословия ангажированных рецензентов и авторов характеристик в премиальных буклетах. И, в свою очередь, принимаются с энтузиазмом искать им подтверждения в текстах книг, которые трудно воспринимать всерьез. Особенно, если сопоставлять их с классикой даже не «золотого века» русской словесности, а хотя бы ее советского периода.

Примерно так выглядят взаимоотношения современной отечественной литературы с действительностью, которую авторы отображают с той или иной степенью адекватности на страницах своих произведений. Среди них совсем немного книг, где последние десятилетия нашей истории интерпретированы с подлинным трагизмом и погружением повествования в предшествующие века — с тем, чтобы последовательность событий, проявление злой воли, роковые стечения обстоя-

тельсти и неадальностью персон, принимающих судьбоносные решения, возникали перед внутренним взором читателя поступательно. А ведь именно так обнаруживается связь времен, исчезает случайность как исторический фактор, и тогда книга становится ориентиром для читательского взгляда на мир. С другой стороны, уже знакомые психологические портреты современников и порой повторяющиеся сюжетные ходы не являются литературными изъянами: они могут существовать в поле удачно найденной авторской интонации рассказчика и свидетельствовать о том, что нынешнее информационное и эмоциональное пространство не освоило до конца типажи и коллизии текущего дня. И это будет длиться до того момента, когда в нашей жизни появятся фигуры и действия, вчера еще немыслимые.

Сегодня в прозе нередко повторяются литературные образы священников, прежде бывших десантниками, или богатеев, принявших православные истины и жертвующих деньги на благое дело. Названные персонажи — совершенно реальные и многочисленные фигуры в повседневности. И, поскольку такие темы еще не «выговорены», не «выписаны» до конца, необходимо терпеливо воспринимать подобные сюжетные и изобразительные повторы в текущей литературе. Завтра — будет все другое, продиктованное военными подробностями сегодняшних месяцев, дней, часов и минут...

Если обратиться к русской литературе XIX века, которая во многом определила приемы изображения реальности в прозе и дала архетипы героев последующих десятилетий, то можно увидеть, что читатель в те времена был неувлимо отделен от художественной территории, на которой разворачивались те или иные действия литературных персонажей. Между автором, его героем, воссозданным на бумаге творческим миром — и читателем существовала дистанция. Она позволяла отличать художественную проекцию от осязаемого мира. И очевидно, что подобное взаимное положение вещей было, условно говоря, правильным. Сегодня человек, безоглядно погруженный в виртуальные бездны, часто теряет всякое представление о действительности и воспринимает ту или иную модель или вариант возможного развития событий как нечто безусловно достоверное и окончательное. Ситуация болезненная и непродуктивная и в личностном, и в социальном плане. Именно потому русская литературная классика воспринимается как искусство слова изначально здоровое, в отличие от современной литературы, которая, слившись с читателем, приобрела массу его болезней — душевных, мировоззренческих, порою даже физических...

Положение классической русской литературы в обществе было привилегированным, издательства поддерживали писателей выдающихся, а не старались поменять их именами мимолетными и книгами легковесными, руководствуясь определенной доктриной. Разумеется, нельзя не признать, что во второй половине XIX столетия сложилась интеллектуальная традиция приветствовать произведения народно-демократические и во многом революционные, демонизируя вещи консервативного свойства. Пример романа Н.С. Лескова «На ножах», в котором саркастически прорисованы прогрессивные характеры, показателен, но никак не сопоставим с похожим распределением акцентов в наше последнее тридцатилетие. Система координат, в которой существовала русская литература тех лет, представляется куда более честной, нежели нынешняя сетка публичного внимания, организационной поддержки и финансового обеспечения.

Сопоставляя классику и современность, даже просто формулируя вопрос о читательском предпочтении, справедливо еще раз отметить, что в духовном отношении классическая литература кажется творением куда более духовно здоровым, нежели современные книги. Наверняка найдутся исключения из этого определения, но пораженное множеством духовных болезней общество, каким является

нынешний российский социум, оказывается в состоянии породить литературу, по преимуществу, страдающую самыми разными болезнями — и в изображении человека, и в отображении реальности, и в самой форме произведения, и в активном приближении читателя к воссоздаваемому образу мира. Конечно, чтобы преобразить социальный космос, нужно узнать его изнутри. Вместе с тем, все-таки важно помнить православное правило: изучение тьмы не приближает нас к свету... На этом фоне художественная классика, повторим, кажется значительно более гармоничной сферой искусства. Именно поэтому ее внимание к человеку оказывается фундаментальным.

Так сложилась творческая эволюция литературы: от изучения человека — к изучению среды, в которой он существует. Сегодня среда доминирует, а человек превращается в противоречивый клубок взаимодействия телесного и интеллектуального, подвластный расчленению на биологические детали и умственные формулы. И если мы сохраним свое бережное внимание к классике, то никто не сможет удалить из наших духовных глубин Образ Божий. И уже отсюда будем вглядываться в мир, в котором живем мы сами и будут жить наши дети: читая современную литературу, споря с ней и поддерживая книги о любви и правде, о справедливости и мужестве, о родной земле, о которой мы думаем — Русская...

Михаил ХЛЕБНИКОВ,

литературный критик,

*редактор отдела общественно-политической жизни
журнала «Сибирские огни» (г. Новосибирск)*

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И «СХЛЫНУВШИЕ»

Греки считали историю «вечным возвращением»: все уходит, чтобы вернуться. К истории эта формула применима с натяжкой, но в культуре она срабатывает достаточно часто. Поэтому не удивительна ситуация вокруг русской литературы, которую мы вынуждены наблюдать сегодня, когда всплыли вроде бы ушедшие в прошлое понятия и формулы «эмигранты», «я выбираю свободу», «железный занавес». Не будем забывать, что значительную роль в истории русской литературы XX века занимают три волны ее рассеяния.

Георгия Адамовича мы знаем по нескольким стихотворениям, оставшимся в русской поэзии, что уже много, а также по книгам эссе «Одиночество и свобода» и «Комментарии». Там много «экзистенции», недурных размышлений о мировой культуре, значении Толстого, Бунина, Мережковского. Несколько в тени остались тексты, которые Адамович регулярно в 1920–1930-е публиковал в эмигрантской прессе — в «Звене», а потом в «Последних новостях». В них присутствует то, что я очень ценю — сиюминутное, написанное вроде наспех, без претензии на вечность. Но сквозь необязательность пробивается дух времени, интересен и сам Адамович, незаметно превратившийся в первого критика отечественной литературы за границей. Учитывая мощную словесную составляющую русской эмиграции — звание более чем серьезное.

Адамович часто писал о советской литературе, за которой пристально следил. Здесь он проявлял как удивительную зоркость, так и явную пристрастность и даже несправедливость в оценках. Он один из первых, кто ясно и без оговорок сказал о таланте Булгакова, прочитав «Роковые яйца» — не самую сильную вещь писате-

Всем скоро Адамович становится с нескрываемой радостью рассказчиком «Звена» о «Белой гвардии», полностью оправдавшей все выданные ранее авансы. С другой стороны, он последовательно печатно гнобил — тут иного слова не подобрать — Есенина. Бывали случаи, когда отношение менялось, эволюционировало. Так, негативная оценка Всеволода Иванова переросла в признание значимости прозы автора «Цветных ветров».

При этом о советской власти Адамович говорит безо всякой симпатии, обвиняя ее в подавлении индивидуального начала и прочих тяжких грехах материализма. Но критик никогда не ставил под сомнение русскую литературу. Ирония — постоянный спутник его письма — исчезает, когда речь заходит о Пушкине или Толстом: «Подозрительно» в Пушкине его совершенство. Надо же, в конце концов, сказать во всеулышание, *urbi et orbi*, что такого совершенства не было в новые времена никогда и ни у кого, не только из русских поэтов, но даже у Гете, Данте, у Расина. Французы справедливо гордятся Расином — «*cette pure merveille*». Но ведь эта утонченнейшая *merveille* (подлинной чудесности которой я оспаривать, конечно, не собираюсь) по сравнению с Пушкиным настолько несовершенна, что не хочется даже их имена рядом называть». Если говорить шире, то русская эмиграция спасалась, «на живую» пришивая себя к великой русской культуре.

Русская литература обладает странной притягательностью. Пишущий на русском языке внезапно понимает свою связь с теми, кто писал до него. Эта включенность, «осознание себя в ряду» открывает целый мир, в котором можно провести всю свою жизнь. Но это не стерильные музейные залы, по которым ходят в войлочных тапках, не благоговейное чтение и почитание. Многие слышали о Николае Павловиче Анциферове, авторе «Души Петербурга». Он пережил Гражданскую войну, смерть ребенка, заключение на Соловках, ссылку, новый срок в 1937-м. Умер литератор, когда документально подтвердился факт измены жены Герцена. Филолог Валентин Семенович Непомнящий активно участвовал в диссидентском движении, подписывал протестные письма. Но постепенно он отошел от политической деятельности. И дело тут не в конформизме или даже внутреннем признании правоты марксизма. По роду своих занятий Непомнящий пушкинист. Александр Сергеевич едет свататься к Наталье Николаевне, и вопрос, что скажут родители (жених немолод, небогат, известен страстью к картежной игре), почему-то для пушкиниста важнее и насущнее, чем громкие права «оспаривать налоги или мешать царям друг с другом воевать».

С той стороны нам предлагают «заткнуться». И это не гипербола. Заманчивое предложение русским писателям поступило от самого Стивена Кинга. Публично, с визуальными эффектами. Для большей доходчивости классик демонстрировал вытянутый средний палец, передавая привет своим российским коллегам. Что тут сказать. Палец узловатый, американский писатель старый. Есть надежда, ради спасения репутации самого Кинга, что тут работает не «Оно», а он — коварный Альцгеймер. В противном случае все еще печальнее.

У нас всегда было особое отношение к западной культуре, отражающее, как сказал бы Бердяев или Лосский, «дихотомию русской души». Идеализм и нигилизм. Читая иноязычного автора, мы всегда умножаем его, как минимум, на два, смело ищем и находим глубины и горные высоты. Мы домысливаем и достраиваем, а потом честно восхищаемся открытым. Не скажу, что это исключительно плохо. Культура всегда работает на усложнение и расширение пространства. Но сейчас мы столкнулись с тем, что усложнить при всем желании нельзя. Перед нами, в случае «короля ужасов», ошеломляющая примитивность. Здесь есть еще один пласт. Писателю всегда интересен другой, пусть даже его позиция заведомо чужда или даже враждебна авторской. Толкиен не так давно психологизировал злодея Сарумана, а буквально днями Джонатан Литтелл в «Благоволительницах»

нарисовал сложный и непростой внутренний мир оберштурмбанфюрера Максимилиана Ауэ. Мы же не вызываем даже стороннего желания понять.

Симптоматично, что предложение «заткнуться» совпало с появлением в нашем языке неловкого слова «канселлинг». Отменять русскую литературу предложено нескольким персонам. Необходимо озвучить, концептуализировать палец Стивена Кинга. Этим и заняты «новые эмигранты».

Галина Юзефович формулирует цель ясно и просто: «Сосредоточимся на «отдирании» Пушкина от себя». Почему-то хочется дополнить: «Резать к чертовой матери, не дожидаясь перитонитов». Напомню, что русская эмиграция видела ситуацию нежидко иначе. Из стихотворения Георгия Иванова — друга-соперника Адамовича:

Александр Сергеич, я о вас скучаю.
С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю.
Вы бы говорили, я б, развесив уши,
Слушал бы да слушал.

Проблема даже не в содержании призыва Юзефович (Пушкина сбрасывают с корабля современности регулярно), а в методологии. Классика — это давно, авторы умерли, что «сказать хотели», знают лишь учителя литературы. В нашем же случае Пушкин — это тот, кого читают и чувствуют помимо школьных уроков литературы. Можно посоветовать Галине Леонидовне включить в свой лексический запас красивое слово «герменевтика». Прочитать Гадамера. Там об этом все сказано. Методологическая основа отдирания — «великий Григорий Дашевский», его «бесценные уроки», «лекции», на которых присутствовала сама Галина Юзефович. И тут все валится. Дашевский научил Юзефович понимать Катулла. Я рад. За критичные и даже немного за Катулла. Но переход от правильного понимания Катулла к отмене русской классики — вещь непостижимая.

К сожалению, Григорий Михайлович Дашевский умер. Как и классики. Вы требуете обязательной отмены? Я выбираю Дашевского. Мне проще начать процедуру канселлинга с него и остаться с Александром Сергеевичем. Слушать, как он говорит с Георгием Владимировичем.

Свой как всегда речистый вариант «канселлинга» озвучил Дмитрий Быков* (нынче иноагент). Цитирую: «Русская культура — причудливый побег большого дерева, восхитительная кувшинка на смертоносном болоте, переполненном зловыми газами, разноцветная бабочка, порхающая над морем нечистот». Такое комментировать — только портить впечатление. Ну и чтобы два раза не вставать. Определение в полном смысле авторское: «Русская культура — набор произведений, формирующихся вокруг искусственного противопоставления взаимообусловленных вещей». Из дальнейшего водопада слов утесом смысла возвышается горькое признание: «Я никогда не мог прожить на литературные заработки». С отменной русской литературы у Быкова* возникли проблемы. И тоже методологического свойства. Дело в том, что Дмитрий Львович* искренне считает, что он и есть русская литература. Отменять себя не хочется. Но отменить что-то нужно, иначе «приличные» люди не поймут. Автор задумывается и находит неожиданное решение: нужно отменить русский балет, потому что он «казарменный» и «садистский». Трудно осознать страшную роль балета в жизни автора. Еще труднее представить.

В 1950 году Георгий Иванов опубликовал статью «Поэты и поэзия». В ней он говорил о новых именах в русской эмигрантской поэзии, особо выделяя представителей «второй волны» эмиграции. Иванов никогда не относился к авторам, сво-

* Признан Минюстом РФ иностранным агентом.

блочно раздающим похвалы молодым талантам. Но в статье нашлось место для нескольких одобрительных строк в адрес одного из них — Дмитрия Кленовского, выпустившего в том же 1950 году сборник «След жизни».

«Кленовский сдержан, лиричен и для поэта, сформировавшегося в СССР, до странности культурен. Не знаю его возраста и «социальной принадлежности», но по всему он «наш», а не советский поэт. В СССР он, должно быть, чувствовал себя «внутренним эмигрантом».

Через несколько абзацев Иванов снова возвращается к тому, что так его зацепило: «Каждая строчка Кленовского — доказательство его «благородного происхождения». Его генеалогическое древо то же, что у Гумилева, Анненского, Ахматовой, О. Мандельштама».

Иванову важно, что в Советском Союзе были/есть люди, интуитивно преодолевшие разлом между дореволюционной и советской эпохой. Для него это факт не столько эстетический, сколько этический. Возвращающий русской эмиграции ее исторический смысл.

Замечу, что Иванов писал о трагическом положении русского писателя в добровольном изгнании еще за двадцать лет до «Поэтов и поэзии». В 1931 году в альманахе «Числа» вышла его нашумевшая статья «Без читателя». Прошло чуть более десяти лет после исхода. Печатаются многочисленные русские газеты и журналы. Многие писатели старшего поколения еще в силе. Если вспомнить тех, кто уехал, то можно без преувеличения сказать, что страна лишилась ведущих прозаиков и поэтов. Андреев, Арцыбашев, Бальмонт, Бунин, Гиппиус, Зайцев, Куприн, Мережковский, Толстой... Появляется талантливая литературная молодежь. Есть какое-то подобие литературного процесса: «Известно, кто хорош, кто плох, кто так себе, кто «в расцвете прекрасного дарования» и кто исписался, у кого надо учиться и кого следует опасаться».

Но острое чувство небагополучия витает над этой картиной. Оно выражено в названии статьи. Все достижения и успехи, включая Нобелевскую премию Бунина, разбиваются о простой факт, который невозможно игнорировать. Нет читателя. Вернее, он есть, но «там»: «Страшно подумать, под какой ослепительный прожектор истории попадем когда-нибудь все мы, и что если нам что и зачтется тогда, то уж, наверное, не охрана буквы Ъ и не художественное описание шахматных переживаний».

Замечание по поводу «шахматных переживаний» относится к опубликованному годом ранее роману Набокова «Защита Лужина». Будущего творца «Лолиты» Иванов не любил, считая его русские романы шуточными, «сделанными». Но в каком-то «холодном высшем свете» литературные враги воспринимали действительность одинаково. Последовавший уход Набокова из отечественной литературы объясняется человеческой и авторской честностью. Он запретил себе быть русским писателем, потому что его ощущение совпадало с диагнозом, поставленным его литературным недругом. Без русского читателя нет русского писателя. И не важно, на каком уровне ты владеешь языком, насколько ты самодостаточен. Автора «Дара» трудно упрекнуть в низкой самооценке, но некоторые вещи он понимал очень трезво. Напомню известное высказывание Набокова по поводу «замороженной клубники», в которую превратился его русский язык. Законная перестановка — и перед нами «замороженный язык» — не самый приятный, хотя и точный образ.

Эмигрантская история русской литературы в наши дни продолжилась. Где-то вдалеке якобы зарождается ее «четвертая волна». Рискну выступить в роли Филофея и скажу: в русской литературе было три волны эмиграции, а четвертой не бывать. И здесь необходимо проговорить некоторые вещи. Во многом «третья волна» — пародия на «первую». Многие из «выбравших свободу» были вполне состо-

являвшиеся советскими писателями. Представления о доблешевистской России складывались из просмотра историко-революционных фильмов и вдумчивого прослушивания романсов о «поручике Голицыне». «Конфликт с системой» объяснялся зачастую преувеличенным представлением о своей значимости и тем, что безыскусно называется капризностью. Свою долю ответственности несут и западные слависты, регулярно приезжавшие в Союз. Они рассказывали советским писателям о том, как те интересны за границей. При этом забывали сказать, что интерес — профессиональный и сводится к ним самим, пишущим диссертации о советской литературе. Все это приводило к трагикомическим последствиям.

Например, Василий Аксенов честно уехал за Нобелевской премией, которую ему обязаны были выдать за роман «Ожог». Премия почему-то дали Бродскому. Аксенов не успокоился и вслед за Набоковым попытался стать крупным англоязычным романистом. Кто сегодня вспомнит его «шедевр» с заманчивым названием «Желток яйца»? Даже благосклонно настроенные к Василию Павловичу исследователи уклончиво говорят о «дерзком писательском эксперименте» — определение, маскирующее полный и безусловный провал. Представители фантомной «четвертой волны» типологически рифмуются с предшествующей игрой водной стихии.

Можно сказать, что она — пародия на «третью волну», которая, в свою очередь, пыталась копировать первую. Очень понятна эволюция Б. Акунина при обращении к фигуре А. Солженицына. Оба автора ушли от чистой художественности в сторону любительских исследований русской истории. И тут результат, в общем-то, одинаковый. Непонятно, для чего создатель сыщика-заики переписал Соловьева с Ключевским. Еще сложнее найти человека, который с гордостью открыто скажет, что прочитал полностью и по доброй воле «Красное колесо» еще одного нобелевского лауреата. А подобном типе творцов хорошо и емко сказал Довлатов: «Деревенский философ в оловянных очках и с самодельным телескопом в руке». Склонность открывать уже известное порою создает крепкие для современников репутации, которые лениво, но последовательно уничтожает время.

Также понятно, что Дмитрий Львович Быков* — разбухшая тень Василия Аксенова. Хотя ясно, что куда перспективней и приятнее считать, что объектом кощлея выступает тот же Набоков. Развивая образ «замороженной клубники», можно сказать, что Быков* прорвался в царство свободы за рулем рефрижератора-длинномера, забитого тоннами «охлажденных деликатесов». Другое дело, что вывезенный продукт изначально «скидочный», и без внятного образа покупателя задубевшей «вкуснятины» с неизбежным ароматом просрочки после извлечения из спасительного морозного плена. Да, в свое время Дмитрию Львовичу* за каждую его книгу принудительно выдавали премию. При этом вопрос о читателе его многолетия изящно обходился. Быков* говорит, точнее, неприкрыто грозит, что напишет роман на английском языке, чем добивается непростого в исполнении эффекта: чувства некоторой жалости в отношении тех англосаков, кто еще читает. Новые эмигранты поспешно отряхивают прах отчизны. Кто поумнее ищет удобные, обтекаемые формулы. Виктор Ерофеев заявляет о необходимости осознать ужас войны. В качестве места осознания почему-то выбирается Берлин. Простоватая Вера Полозкова, обосновавшись на Кипре, предпочитает «афоризмы»: «Моя родина — Аль-Каида». Иногда их награждают. Людмила Улицкая** получила премию Ремарка. При вручении немецкой стороной было лукаво сказано, что «коллективной ответственности не бывает». Практика доказывает иное. Случаются индивидуальные поощрения, которые не вызывают зависти или уважения. Мы

* Признан Минюстом РФ иностранным агентом.

** Признана Минюстом РФ иностранным агентом.

остаемся с теми, кого пытаются отменить. И почему-то они ощущаются более живыми, несмотря на всю дистанцию времени.

Закончу снова словами все того Георгия Иванова, великого поэта из той, настоящей, некукольной русской эмиграции. Той, для которой потеря родины не фигура речи, а боль и тоска, когда сквозь туман эмигрантского существования пробивается настоящее:

Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем,
Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты,
Мы спокойно, классически просто идем,
Как попарно когда-то ходили поэты.

Василий КИЛЯКОВ,

прозаик, поэт, публицист,

член Союза писателей России (г. Москва)

ОБНАЖЕНИЕ АНТИТАЛАНТА, или Что в искусстве созидательно

Русский писатель живет нескладно, голодно, рискованно, бито и разбито — но, к осмыслению «под занавес», в итоге — жизнь его превращается в стройную и достойную песню. Таковы критики и мыслители М.П. Лобанов и И.А. Ильин, В.В. Кожин и А.С. Панарин, Э.Ф. Володин и С.В. Ямщиков... примеров много. Быть может, это объясняется сущностью русской души: если уж говорить — то только правду и всю правду, до конца. Эта позиция отлична и даже противоположна позиции новоявленных исторических «нетерпеливцев» (по Лескову), *прогрессистов-радикалов*: «если гнуть палку, то обязательно перегнуть», «лес рубят — щепки летят», «смерть одного человека — трагедия, смерть миллионов — сухая статистика». Если жечь свечу, то непременно с обеих сторон, или, как говорят рязанские мужики, «если пить, то уж пить так, чтоб лета качало». Возможно, именно здесь корень всех «случайных» революций, которые не привились нигде, а только на русской почве.

За последние годы всех реформ, приватизаций, бандитских делюг русскую литературу (впрочем, русскоязычную даже, «литературу» довольно мутную) захлестывали и захлестнули сначала сочинения от озлобленных на «Россию-суку» забытых было эмигрантов третьей волны и обиженных сидельцев, борцов за общечеловеческие «права человека», затем модернистов шалопутного толка, принципиально настаивающих на нетрадиционности. И вот беда: все это — опять-таки *разрушительная, троцкистского толка революция (ре-эволюция)*, движение вспять: весь этот *модерн* в искусстве не созидателен. И не случайно сегодня, после «перестройки-революции», по словам критика Кожина, стала господствовать вполне определенная тенденция — стремление объявить всех значительных писателей и поэтов советского времени «антисоветскими» и «антикоммунистическими», а наиболее ценными считать как раз все тех же самых антисоветских писателей. Но это не тенденция, а очевидная, направляемая тенденциозность.

Что и говорить, русская эмиграция со времени отправки Лениным «философского парохода» за границы России вытерпела несказанные обиды, незаслуженное глубочайшее унижение. Россия лишилась И. Шмелева и И. Ильина, И. Бунина и А. Куприна, П. Сорокина и не только их. Было, помнится, не менее пяти рейсов. А многие ли вернулись? И как сложилась судьба тех, кто вернулся? (М. Цветаева, например; вспомним, впрочем, тут и вернувшегося в предреволюционный

Род после своих заграничных антропософских штудий А. Белого). «Новая» Россия теряла дворянскую культуру и традиции аристократизма, утрачивала во многом слух литературный, отказываясь от самой «тайны творчества». А без поиска этой тайны все — и речи, и слова — пусты, легковесны, и вернуть *ту* культуру, *тот* обиход окольными путями, без признания дивной и состоявшейся тайны творчества невозможно.

Пытались ли вспомнить и переоценить суды над традиционными поэтами так называемого «новокрестьянского» направления, обновили ли литературу «птенцы гнезда Максима Горького-Пешкова»? Смогли ли противопоставить что-либо «ферментированной» литературе «боевых унтеррудов» (от Багрицкого, Асеева, Светлова, Бабеля и др.) те же И. Касаткин, С. Подъячев и другие? Да, понятно: писатели из крестьян — и крепкие, — а сила и талант их, в конечном итоге, и признание впоследствии опять-таки неразрывны с понятием «традиция». Привились ли изыскания В. Хлебникова или А. Белого? Наверное, в чем-то и тот же *новатор* А.А. Вознесенский козырял преемственностью, но вовсе не от традиционалистов.

Но с какой целью они прививались, названные и иные, и кто помнит теперь Вознесенского? Когда у нас стали писать о репрессиях, реабилитациях, возник некий мейнстрим, руководимый все тем же бродильным ферментом «пятой колонны» — от литературных ловкачей и катал, мастерски подхвативших и развивших тему новаторства и отсебятины, часто кощунственной и пошлой (у все того же Вознесенского, например), направивших волну на разрушение. Они перетасовывали и искажали действительность, пытались перекроить и историю, и многократно, и в 90-х, даже на излете. Было подобное и раньше: имажинисты, футуристы, акмеисты, символисты — всех и не сочтешь. Модерн, постмодерн нынешние — лишь отголоски и жалкое подражание тому, что было прежде. И в литературе то же: вывеска «Разделяй и властвуй» именно такого же, того же содержания, а не какая-то иная табличка, прибитая и сегодня на *новых* дверях старого кабинета либералов и западников — по сути, тех же троцкистов.

Цель нынешнего умения пристроиться при литературе — получать бонусы, разделяя на течения, союзы (а их сегодня более десятка) и объединения «писателей», особенно *молодых* (а молодыми отчего-то принято считать пишущих и до пятидесяти даже лет от роду, все «молодые»), ссорить всех их и сталкивать. Особенно мятущихся, не состоявшихся и до сорока, и до пятидесяти лет — все-то одно и то же: стремление от разделов, свар и конфронтаций писателей и союзов получить предпочтения и саму возможность удержаться чиновником у кормушки литературных «грантов» и премий. Ведь, по сути, все они состоят на *кормлении* у писательского сообщества, написать ничего стоящего сами не в состоянии (только письма да обращения подписывают), но ведут себя при том как полные-полноправные хозяева жизни (в том числе — и в литературной среде). Та же бездарная «пятая колонна» (имена на слуху), состоящая из множества раскрученных и вообще-то мало причастных русской речи *канареек, учеников чародеев, чагиных и прочих лавровых-авиаторов*, сплоченных сегодня, по сути, только лишь дутой и мнимой «сверхидеей индивидуалов», — из состава тех, которые корчат из себя интеллектуалов, не являясь таковыми. И цель их та же: они пытаются превратить голос нашего национального достоинства в самоедское рыдание-покаяние (от навязываемых ими же через подручные СМИ поддельных «эпистолярных откровений», обличений и прочих «открытий» из сомнительного толка архивов, «секретных» папок и проч.). Боль нашу кощунственно и святотатственно перевирают. Крик русского — пытаются перелгать в эхо этого «покаяния» и перевирают, и получалось до сих пор — невесть за что. К примеру, за победу в Великой войне — «победобесие» — по их пониманию или навету. А тяжелейшие трудовые пятiletки надуманно кличут «застоем». А было дело, обличали и соцреализм с его

мировым признанием (теперь вроде чуть поутихли)... Все дороже превращают они в глас иерихонской трубы резонансного саморазрушения, самоуничтожения, таково их свойство. Ведь что же должно было (по их мнению) последовать после прочтения О. Волкова, В. Шаламова, А. Барковой, Б. Чичибабина, М. Сопина и многих других? Что, как не посыпание головы пеплом (и — именно русских голов), что как не покаяние должно было воспоследовать? А происходит зачастую противоположное (не по замыслу лукавых обличителей, фальсифицирующих историю): решительное отторжение причин от следствий. Искажение нашего национально-го самосознания оказалось невозможно.

А ведь как старались. Некие даже и писатели-приспособленцы, которым и прежде открыты были архивы, которые *знали* правду и имели доступ ко многому из закрытого (смотри «Последнюю ступень» В.А. Солоухина), — несмотря ни на что, ловко встроились во власть, в литературное чиновничество. И (вместо «уберите Ленина с денег» или «Братской ГЭС») договорились уже и до того, что Русская империя, вся, была и есть «ошибка истории». Либо другая крайность: возносят только белоэмигрантскую литературу и культуру, но, по сути, все это то же раскольничество, рассеивание ненависти вместо собирания камней и объединения.

И вновь, и сегодня — попытке (нередко успешные!) оседлать волну; мы опять становимся свидетелями некой передислокации, ротации и перестроения этой самой «колонны» (для новых попыток атаковать все русское, российское и особенно все советское). Сегодня мы видим двойников, идейных последователей М. Кольцова, К. Радека и других — теперь они резвее прежних, и их много, пруд пруди. У них теперь еще больше возможностей, в услужении у них международные сети «инета», им составлены протекции; для них открыто властями широкое поле деятельности, в их руках рычаги влияния. Они работают «под прикрытием». А русский писатель — открыт всем ветрам, но этого «идеологи от культуры» *будто бы* не замечают. Напрасно! Выкорчевывание и вытравливание *русского леса* в угоду заморским растениям ни к чему хорошему не приведет. Даже в природе принудительное высушивание болот, вырубка лесов, повороты рек, создание каналов и водохранилищ, вообще любое бездумное искусственное вторжение в биосферу никогда ни к чему хорошему не приводило. К примеру, давайте проследим, какие издательства вырубаются и выкорчевываются даже и силовыми методами, через суды, рейдеров и прочее... И вчера их атаковали, и подрывают сегодня. Незавидны судьбы издательств «Голосъ» П.Ф. Алешкина, «Образ» Ю. Лоцица, «Алгоритм» С. Николаева, издательство О. Платонова (вся его серия книг под эгидой Института русской цивилизации)... Примеров много. А кто со времен 90-х уцелел, кого и поныне благословляют огромными премиями, поддержкой? Давайте вчитаемся, к примеру, каких авторов сегодня печатает то же крупнейшее издательство «АСТ», кого рекомендует читателям? И откроется многое... Культивация каких направлений продолжается и сегодня через директоров и владельцев частных «органов печати»? Даже после того как их любимчики были обозначены и четко поименованы «иноагентами», практически ничего не поменялось! Ну и кто в доме хозяин?

Писаниями о лагерях с примерами ужасов, нередко надуманных до очевидных нелепостей и нестыковок, высосанных из пальца (не исключая порой даже В.Т. Шаламова и ряда других сидельцев), — давно перестали удивлять. «Великими грехами народа» от накрученных ужасов советского тоталитаризма перекормили читателя сразу после 90-х. Им перестала удивляться даже молодежь, но главное — перестала верить. Надуманные сюжеты никогда не сидевших писарчуков, муки от жизни открывающих глаза пустопорожних девиц — это уже не второй, а третий раз съеденный завтрак, причем завтрак этот — один и тот же. Что правды

таить: и Марченко-Богораз, и Даниэль, и Синявский, и В. Некрасов, и В. Гроссман не трогали и не поражали читателя и прежде всякими откровениями уже потому, что там не было главного условия для сочувствия — художественности. Невооруженным глазом видно, как они тенденциозно направлены, предсказуемы. Чернуха, наваленная без разбору, никогда не была и не будет подлинно литературой. Метод-прием — тот, когда в книге дыму побольше нагнать, много таланта и не потребуются вовсе, — порочен и изначально ложен. Таким способом лишь скорее обанжирит антиталант, безвкусица. Не поражает давно и «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, хоть его ухитрились воткнуть даже в обязательную для чтения школьную программу (с какой целью?)... И уже по той же причине он нечитабелен: потому что там тоже нет главного условия — искусства. «ГУЛАГ» этот и на очерк даже не тянет, потому как отсутствует простая историческая достоверность, которая должна опираться на фундамент фактов; впрочем, всегда в наличии «страсть к политическим выпадам», говоря того же, Солженицына, словами. Все названное — большие опусы *математиков, физиков и лириков*, по сути своей — компиляторов.

Где же сегодня оригинальные художественные произведения истинной, непреходящей ценности, не подшитые политической подкладкой? Где сегодня светлые солнечные пятна души человеческой? Может быть, в каких-нибудь «Елтышевых» или в так называемом романе «Патриот» — этих коллективных проектах от «успешных» нынешних, распиаренных и разэкраненных писарчуков? И лишь оттого, что они так раскручены спецзаказом на эту их «литературу» от чиновников и благодетельствованы при раздаче бонусов от «власть предержащих», которые их облюбовали и пролоббировали (без прочтения даже), — лишь только оттого получили, будто в некую награду, звание «писатель». Открыт ли сегодня хоть один тип, который можно было бы поставить рядом и вровень с П. Каратаевым, Поликушкой, Г. Мелеховым? (О *чонкиных* и *иных* знаем мы от «швейцаров при власти», шаркунов, от тех, кто и прежде существовал беспечно и сыто, — они и сегодня не бедствуют, даже барствуют напоказ, наживая свой капитал известности при помощи западников и «нордистов», приверженцев де Кюстина и Геббельса, пиарясь на пошлых попытках оплевать историю «этой страны», не родной им, «страны проживания», страны, «беззаконной и свободной охоты».)

Так какое же новое слово в литературе сказали нынешние сочинители — лауреаты всевозможных букеров, эти написатели «больших книг», сочинители «толстых романов», о которых по награждении их никто не вспоминает, ни имен их даже не помнит, ни их творений? Чем же духовно обогатили нас, чем отметились, что привнесли представители тех вышеназванных сил, которые до сих пор все так же стерегут просторы нашей культуры, все контролируют и все делят? Ответили ли они на главный вопрос насущный: как жить теперь, куда нам идти? Или хотя бы пытаются ответить? Ничуть не бывало. Нет даже и попыток к реальному объединению на общее благо, к прекращению этого дрожжевого брожения, этой ферментации мутной и опасной, этого созревающего рассола, угрожающего взрывом. Понятно, и осмысления нет и в помине. А вот разрекламированных анекдотических, надуманных подробностей, сплетен про то, как вот будто бы немцем приволжских «теснили» в тридцатые годы прошлого столетия и именно будто бы русские теснили-де еще и прочие нацменьшинства... Вот этого сегодня — хоть отбавляй. И пишут опять-таки не историки, не авторитетные политики, а сочиняют, по всей видимости, дилетанты, если судить по их рассеянной развязной словесной манере, потерянным в повествовании характерам и рваным диалогам. Скажем откровенно, читая и наблюдая разностилеву диаграмму их увражей, открытую любому мало-мальски знакомому с профессией автору, — пишут неучи, да еще и толпой, и определенно под заказ. Чей? Вот вопрос. Но это отчего-то абсо-

лютно не интересуется толпы чиновников от власти, окормляющих этих писак, и издателей, предлагающих их книги читателям. И опять-таки отличились в немислимых тиражах и переизданиях все те же известные издательства и их владельцы. Итог: сказать, что он оптимистичен — курам на смех, — язык не повернется. А ведь молодежь читала сии навязываемые произведения, было дело, и верила букве, доверяла награждаемым сверх всякой меры их переиздаваемым без счета «романам». В результате, теперь не верит молодежь и не доверяет никому: «все врут» — вот их вердикт. Да что там книжницам нынешних бесконечных лауреатов — и в закон Ома уже теперь не верят. Не верят, что сила тока обратно пропорциональна сопротивлению... А пойдет она, такая молодежь, воевать за такую страну? Пойдет она теперь работать-вкалывать по-стахановски за идею — за державу, которую этак вот раскрасили темными красками названные маляры от литературы, публицистики и СМИ, эта молодежь-то наша? Пожалуй, что нет. Спрячутся за спины отцов и дедов, уедут в дальние края, только бы не в окопы «за Рашку», только бы не в окопы *за эту страну*, где спаривались будто бы (как уверяют их сии маляры) красноармейцы в мечети. Где мать якобы убивала одно дитя, чтобы сберечь молоко в груди для другого своего дитяти, любимого! Где зерно перевозят... в гробах, чтобы продрозверстка не отняла, и прочее, и прочее... Бред немислимый. Им, молодым-то, и невдомек было, что им такими книжницами морочили головы, надували именно и только их, дурашливых юных, потому что поколение, рожденное до семидесятых и старше, не провести так просто вокруг пальца. Насмежаются определенно над ними, над детьми «перестроек». Отчего это стало возможным? С какой целью это совершается? Ведь ясно любому, вывод такой: а что же тогда, собственно, и стараться, зачем трудиться во благо *такой страны*? И за что же, собственно, умирать, если «русский фашизм страшнее немецкого», а «Мюнхенский договор» обыгран либералами так, будто бы это был именно сговор с нацистами до их нападения на Польшу. Таковым он и лег даже в учебники иные «продвинутые». А эти эпигонские «эшелоны на Самарканд» — далеко не «Ташкент — город хлебный», по книге, изданной в 1927-м...

Соблюдение хоть каких-то реалий, историзма, мастеровитость хоть какая-нибудь сегодня вовсе не требуются. Даже напротив, невежество, как мы видим, приветствуется по многим причинам. Во-первых, раздвигаются рамки для самого нелепого и грязного воображения. Во-вторых, эти измышления о событиях вековой давности — раз они так ученически нелепы, надуманны, то и проще, и шире распеваются. В-третьих, грязца, намеренно подпущенная, как мы знаем, скорее расходится, распушается, таково общество, охочее до сенсаций... И вот результат: за эти книжата некой смешной женщине (девочке на вид, коей сорок лет исполнилось и которая смекает о революции на свой манер, по-дилетантски, неказисто, за которую, по всей видимости, пишут и весьма слабо пишут, торопятся проскользнуть проторенной тропкой за многочисленными премиями) — под эту фамилию продолжают метать все так же поспешно премию за премию, наподобие того, как рыбы-мутанты мечут икру в застойном пруду. Затхлые, непроточные воды нынешнего «литпроцесса» бойко зацвели теперь болотной ряской: ныне самое время для жаб, тритонов, пиявок и всякой нечисти. И «затарилась, и затюрилась» застойная жижа этих прудов именно что сегодня, а вовсе не в те времена, когда Аксенов-Гинзбург придумывал свою «бочкотару».

Имитация сегодняшнего литпроцесса посредством блогерш со странными «юзающими» фамилиями — все это забавно, конечно, только до поры. Но им, этим наследникам прорвавшихся в свои долгожданные кабинетики, и сегодня открыто помогают безоглядно. И обрушиваются на российский народ бесконечные переиздания модных авторов и многие кинофильмы-новоделы об СССР. И пасквильные фильмы о Ф.М. Достоевском и о «сверхчеловеке» Троцком, *принуждающем*

силой воли своей яковы небычайной зарубить себя ледорубом Меркадера. И прочие «развенчивающие» фильмы-мастырки по тому же, к примеру, Э. Володарскому: «Сын отца народов» и т.д. и т.п. И все это, как говорится, на деньги налогоплательщика, то есть на наши с вами деньги. Ну почему, скажите, к примеру, на весь форум «Золотой Витязь» выделяется на год столько же средств, сколько отстегивается одному только Д. Быкову* (в настоящее время иноагенту) за одну только лекцию, направленную, скажем, против С.А. Есенина, или на байки об И.А. Бунине... И когда знаешь все это, то ясно, что выгодоприобретатели от нынешних премий и книгоиздания — люди, не связанные напрямую (вовсе не творцы) заботой о качестве литературы и качеством культуры вообще не обремененные. Это все те же бенефициары — те же опять, что и в перестроечные времена угарных для всего СССР «Огонька», «Знамени», «Октября»... Те же, что и во времена хрущевской «оттепели» и все того же размороженного антисталинского и антирусского «Апреля»... Ведь очевидно же, что эта их неправда замыслена, не случайна, и что они-то истинно и есть будущие перестройщики-западники, что в прошлом страны искали будто бы только истину и справедливость и ничего более. А нашли... власть и внезапно свалившиеся на них материальные блага. И в связи со сказанным по-новому открываются и прежние песни «бардов» про «Арбат, мой Арбат, ты моя религия», и по поводу «иду-играю автоматом», и много еще про что... «А мы швейцару: “Отворите двери! ...и приготовьте нам отдельный кабинет”». И «...зайду в кабинетик к Женечке, в кабинетик к Беллочке...» — вот о чем мечтала их общая коллективная душа, их архетип. Мечтали все об одном, все о том же, о *кабинетике*, а вовсе не о «виноградной косточке» пресловутой. Ведь все это не выдуманно, все, как оказалось впоследствии, то есть сегодня, чаялось и приближалось всемерно.

А вот из М.П. Лобанова. Цитирую: «Как директива для всех идеологических инстанций страны была воспринята статья А.Н. Яковлева (исполняющего обязанности заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. — В.К.) “Против антиисторизма”, опубликованная в “Литературной газете” 15 ноября 1972 года. Предметом его обличений стала моя книга “Мужество человечности” (куда вошла и статья “Просвещенное мещанство”), мне досталось за то, что назвал крестьян “наиболее нравственно самобытным национальным типом”, за слова о “разлагателях национального духа”, за “внеисторический, внеклассовый подход к проблемам этики и литературы”, “за неприятие идей Великой Французской революции”: яковы избавление от них, как от “наносного, искусственно, насильственно привитого и возвращение целостности русской жизни” обеспечивало, по его мнению, “нравственную несокрушимость русского войска при Бородине”. С выходом этой статьи (партийного указания свыше) по всем университетам, институтам, идеологическим учреждениям страны прошли собрания с нагнетанием “идейной бдительности”, были даже отменены туристические поездки по “Золотому кольцу” — ибо памятники прошлого были объявлены махровой реакцией, стоящей на пути построения коммунизма» (Из рукописи Литинститутской анкеты М.П. Лобанова, 1999 г.).

В 1960-е годы, как считал Лобанов, «в литературе, в интеллигентском сознании были посеяны те ядовитые семена нигилизма, которые вскоре проросли отрицанием всякого положительного опыта страны, ее истории и расцвели махровым цветом в “перестройку”, обратившись в разрушительную силу для государства» (М.П. Лобанов. «От литературного бесовства к демократ-дьяволиаде». См. в кн. «Великая победа и великое поражение». М., 2000, с. 65).

Время показало, что в этой статье отразились симптомы, предчувствие того,

* Признан Минюстом РФ иностранным агентом.

что произошло впоследствии, что продолжается до сих пор с «перестройки-революции» — то самое «просвещенное мещанство». Либеральная западническая интеллигенция, объявив себя «демократией», направила всю свою бесовскую энергию на унижение, быть может, даже на уничтожение России, русского народа...

И задача конкурса-фестиваля имени благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба (а также, к примеру, давно известного «Золотого Витязя», конкурса «Просвещение через книгу» православного Издательского совета и многих других просветительских форумов) не только исправлять и зашивать прорехи сегодняшнего разорванного в клочья *литпроцесса* (по большей части, увы, не нашего — иноплеменного духа), но и вносить свою посильную лепту во имя нашей русской справедливости и достоинства.

Нина ЯГОДИНЦЕВА,

поэт, литературный критик,

кандидат культурологии, профессор ЧГИК

(г. Челябинск)

ЛИТЕРАТУРА, НЕЛИТЕРАТУРА, АНТИЛИТЕРАТУРА...

За отношением писателя к реальности как к исследуемому материалу и к читателю как к потенциальному собеседнику всегда стоит определенная философская и выше — нравственная позиция; в общем смысле это отношение человека к человеку, Природе и Богу.

Эти отношения транслируются писателем и формируются у читателя в значительной степени под влиянием художественной литературы (и тех видов искусства, основой для которых она является). В целом это определяет здоровье современной культуры, степень устойчивости или катастрофичности жизни общества.

Следовательно, они заслуживают подробного и пристального рассмотрения не только с литературоведческих, но прежде всего с принципиальных культурологических позиций. Для того чтобы культурологический аспект общей картины был более полным, мы предлагаем включить в рассмотрение еще два критерия: это позиционирование автором себя в обществе и отношение его к герою произведения.

В качестве условного эталона мы принимаем классическую национальную литературу: мы понимаем классику как корпус литературных произведений, наиболее глубоко и полно отражающих национальную картину мира, национальный характер и его основные типы, наиболее точно показывающих нравственный подход к решению конфликтов и проблем жизни народа. По избранным нами четырем критериям классическая литература характеризуется следующим образом:

— реальность является материалом для целостного, гармоничного и в первую очередь нравственного художественного исследования;

— отношение к герою — в первую очередь нравственно требовательное, и в тоже время глубоко сострадательное, позволяющее увидеть причины и следствия пороков, конфликтов и трагедий;

— писатель позиционирует себя как человека, осмысливающего реальность и оценивающего ее с духовно-нравственных позиций, становится искателем и проводником истины и ее нравственных оснований. Самоопределение автора в русской литературе исторически начинается с отказа от имени и принятия статуса смиренного проводника сакрального текста, далее развивается через проповедничество к высокой художественности. Миссия писателя — служение;

— отношение к читателю — как к достойному уважения собеседнику, с которым возможно и необходимо беседовать на равных, вовлекая его в осмысление и обсуждение проблем общества.

Переходя к современной литературе, следует уточнить, что исторически понятие современности охватывает сегодняшний день и предыдущую четверть века. В предыдущих работах, характеризуя современный литературный процесс, мы выделили три его составляющие. Первая — так называемая «самодеятельная» литература (издаваемая автономно, не включенная в общественный диалог, но составляющая сегодня довольно заметное явление в силу широкой распространенности) и примыкающая к ней низовая массовая литература, щеколющая низкие инстинкты публики, быстро продаваемая и столь же стремительно забываемая. Это **профанная часть литературного процесса**, использующая форму литературы для примитивного «самовыражения» или продажи дешевого книжного «ширпотреба», и с полным правом ее можно обозначить как нелитературу.

Вторая составляющая литературного процесса — идеологически ангажированная литература (в нашем случае это идеология рыночного либерализма в ее уже завершающей, вошедшей в противоречие с реальностью стадии). Ее тоже следует отнести к рыночному сегменту: она хорошо оплачивается, на нее настроен пул литературных премий, заточены периодические литературные издания и издательства. Это **спекулятивная часть литературного процесса**, использующая форму литературы для трансляции идеологии либерализма и его ценностей, в итоге оказавшихся античеловечными. Следовательно, с полным правом можно сказать, что это антилитература.

И, наконец, литература, опирающаяся на национальную культурную традицию и развивающая ее в современных формах. По большому счету только она действительно выполняет функцию литературы в социуме: сохраняет живую историческую память, отражает день сегодняшний и моделирует будущее. Это **реальная часть литературного процесса**.

Профанная часть литературного процесса (нелитература) по указанным ранее параметрам может быть охарактеризована следующим образом:

— реальность для нелитературы является потоком хаотических, не связанных событий, из которых для повествования выбирается яркий случай, не имеющий причин, не являющийся следствием чего-либо. Отношение к реальности включает в себя элементы суеверия, низкий, примитивный мистицизм как попытку оправдать свое невежество;

— отношение к герою — примитивно-профанное, поверхностное, объясняющее характер и поступки героя судьбой или случайностью. В нелитературе качества героя обычно преувеличиваются, психологизм замещается внешними эффектами и резкими поворотами сюжета;

— автор позиционирует себя как бывалого человека, рассказчика событий, происходивших в реальности, в другом варианте — свободного фантазера, не обремененного задачами художественного исследования, или просто пишет товар на продажу;

— отношение к читателю — снисходительно-заискивающее, как к случайно встреченному собеседнику, которому хочется рассказать историю, но нет уверенности в том, что она ему будет интересна, поэтому ее желательно приукрасить по мере сил.

Спекулятивная часть литературного процесса (антилитература) по тем же параметрам выглядит следующим образом:

— отношение к реальности диктуется идеологической конъюнктурой, ради которой возможно менять местами причины и следствия, подменять ценности антиценностями, и т. д., чтобы создать заказанную картину;

— образ героя создается для воплощения и акцентирования той или иной идеологии, посему отношение к герою — преувеличенно внимательное, грубо или изощренно саркастическое, в любом случае — без любви, понимания и сострадания;

— писатель позиционирует себя как человека, находящегося «над толпой», по сути — сверхчеловека, хотя есть и варианты мимикрии: «я такой же, как вы...»;

— отношение к читателю, поскольку он изначально является объектом манипуляции, — презрительное, скрыто или явно цинично-насмешливое.

Та часть литературного процесса, которую мы называем собственно литературой, или литературой традиционной, характеризуется в целом так же, как классическая, с той лишь разницей, что в силу объективных причин пока не очевидно, какие современные художественные исследования будут актуализированы за пределами конкретной исторической современности.

Отличают ли читатели литературу подлинную от литературы профанной и спекулятивной? В декабре 2022 года в Великом Новгороде на литературном фестивале «Новгородский детинец» прошел круглый стол «Нравственность языка: язык реальности и язык художественной литературы», в котором приняли участие молодые писатели, педагоги, библиотекари и молодежь. В апреле 2023 года в рамках III Всероссийской научно-методической конференции по литературно-творческой педагогике в Челябинском государственном институте культуры состоялась дискуссия «Литература, нелитература и антилитература». Результаты обсуждения показали, что читатели сознательно или интуитивно отличают профанное и спекулятивное от подлинного, но нет общего информационного поля, активно выводящего в фокус общественного внимания имена и произведения тех, кто работает в русле традиции. В обзорах обычно повторяется, не обновляясь, круг уже привычных имен, в то время как нелитература механически воспроизводит книжную массу, топя в ней собственно литературу, а антилитература активно пиарится через рецензии, премии и книжные фестивали и ярмарки. И здесь поле работы — непечатое.

